

КАРЛ XII И ЕГО АРМИЯ

Писать *оценивающее* эссе на тему «Карл XII как полководец» — предприятие, естественно, в высшей мере проблематичное. Прежде всего, оценка неизбежно приобретет *личный* оттенок.

А уж чего я достиг в моем стремлении к «объективности», к этой постоянно ускользающей и в принципе недостижимой цели историка, — судить читателю.

Прежде всего нужно кратко изложить и мотивировать метод, выбранный мною при подготовке этого эссе.

Позвольте вначале заметить, что я просто-напросто слишком хорошо осознаю, что *аргументацию* к соответствующим оценкам в нижеследующем тексте можно было бы развернуть различными путями и в различных взаимосвязях и сделать это гораздо шире. В защиту избранного мною метода приведу хорошо известное обстоятельство, а именно что отсутствие подробностей как раз менее всего характерно для почти трехвековой дискуссии среди историков, военных и вовлеченных в нее простых смертных, ведущейся по поводу некоторых из рассмотренных здесь вопросов. Мне хотелось бы видеть свою оценку «Карла XII как полководца» в качестве, конечно, хорошо продуманного, но предельно сжатого вклада в эту дискуссию — в которой *другие* ее участники могут предложить интересующемуся читателю существенно более разработанную аргументацию по затронутым и иным проблемам.

Что же в данном случае подлежит первоочередной и особо взвешенной оценке? Ее предметом станут отчасти *компетентность* (*профессиональная подготовленность*), отчасти — *целесообразность* (*рациональность, эффективность*): компетентность Карла XII как стратега и боевого командира, компетентность Каролинской армии как коллектива, участвовавшего в военных действиях, а также соотнесенность стратегии короля в 1700—1718 гг. с его конечной целью, а его батальной тактики — с ведением боя его армией, ее боевой методикой (я пришел к выводу, что термин «боевая тактика», который ранее использовался мной в подобном контексте, не

вполне отвечает сути). Разумеется, на практике часто нелегко аналитически отделить компетентность действующего лица от целесообразности его действий как командующего. Но компетентность и целесообразность, бесспорно, не тождественные качества, и мне показалось полезным, так сказать, с педагогической точки зрения использовать здесь оба понятия.

Эмпирический материал для данной оценки составляют почти исключительно «известные» обстоятельства и события, то есть информация, содержащаяся в легко доступной литературе. В качестве литературы такого рода по вопросу о стратегии Карла XII, например, можно назвать историографические работы Хильдебранда (1954—1955 гг.), Артеуса (1970 г.) и Уредссона (1998 г.); что касается полководческого искусства короля, то это прежде всего исследование Беннедиха, датированные 1918—1919 гг. (т. н. «Труды генерального штаба»), Бенгтсона (1935—1936 гг.), Петри (1958 г.), а также Энглунда (1988 и 1991 гг.); по каролинской методике — Беннедиха (1918—1919 гг.), Вернстедта (1957 г.) и в особенности Артеуса (1972 и 1984 гг.); что же касается Карла XII как личности, то это, к примеру, работы Виллиуса (1960 г.) и Грауэrsa (1975 г.).

Остается лишь разъяснить с самого начала смысл содержащихся в названии этой работы абстрактных понятий — индивид, коллектив, методика и география. И в этом также содержится «педагогическая» задача, а именно: уточнить основополагающую, концептуальную структуру оценки. Термин *индивид*, разумеется, имеет в виду Карла XII. *Коллектив* — это его армия. *Методика* имеет в виду рациональность и эффективность обсуждаемого образа действия (стратегии, командования на поле боя, техники ведения боя). А *география* означает важнейший, на мой взгляд, элемент в проблематике шведской стратегии во время Великой Северной войны (конечно, во многих других войнах столь же важным или более важным стратегическим элементом являлись ресурсы).

ИНДИВИД, МЕТОДИКА И ГЕОГРАФИЯ: О
СТРАТЕГИИ КАРЛА XII в 1700-1718 гг.

Мне представляется здесь уместным разбить процесс исследования проблематики на периоды. Такая периодизация, которая в целом представляет собой общепринятое в историографии разде-

ление на последовательные фазы, обусловлена крупными переменами в «военном счастье», наличием ресурсов и/или главными театрами военных действий. В этом смысле единственной постоянной, кроме физической географии, была, можно сказать, негибкая воля короля любым путем сохранить в целостности полученную им в наследство великую державу.

Стратегию короля при нападении на Швецию трех держав в 1700 г. — успешные удары против Дании (Зеландия), России (Нарва) и Саксонии (Даугава) — вряд ли стоит критиковать, если мы согласимся с тем, что оборонительную войну на этой ее фазе надлежало вести наступательно. Можно, однако, утверждать, что риск контрудара в Эстляндии был в 1700 г. чересчур велик, если принимать во внимание время года и количественное соотношение сил. Для маленькой шведской армии у Нарвы дела могли кончиться, без сомнения, очень плохо, и тогда в кризисном положении очутилась бы вся империя. Вполне можно сказать, что успех шведской армии по отношению к России в 1700 г. был достигнут скорее на поле боя, чем благодаря достоинствам стратегии.

1702—1707гг.: против Саксонии и России

Прежде всего нужно принять здесь во внимание, что начиная с 1702 г. включительно шведская стратегия стала почти полностью личной стратегией короля, то есть во всем существенном не подверженной влиянию кого-то иного.

Основополагающей идеей Карла XII для его походов и политики в Польше 1702—1706 гг. и оккупации Саксонии в 1706—1707 гг. было обеспечить себе «прочный тыл» (и значительную базу снабжения) перед запланированным окончательным решением русской проблемы силой оружия. Поэтому нужно было радикально снизить военную угрозу со стороны Саксонии, а Польшу превратить в союзника (читай: вассала). Эта стратегия может показаться достаточно рациональной — в особенности учитывая, что глубокое недоверие Карла XII к Августу (курфюрсту Саксонии и номинальному регенту Польши) было действительно мотивированным, — если мы будем рассматривать ее отдельно от параллельной военной кампании в прибалтийских провинциях (см. ниже) и если мы отвлечемся от того, что указанная стратегия по-

терпела почти полную неудачу. Ибо когда армия Карла XII вторглась в Россию, Польша была весьма беспокойна, а Саксония вот-вот должна была восстановить свою боеспособность.

Война в Польше заняла длительное время, гораздо более долгое, чем Карл XII рассчитывал в 1702 г. Но от него в тот момент можно было ждать лучшей осведомленности — история его деда вполне недвусмысленно говорила о том, что эту страну нелегко умиротворить. А русские между тем завоевали Ингерманландию (и в 1703 г. основали Санкт-Петербург), а также разорили, в ходе повторявшихся набегов, Эстляндию и Лифляндию. Скоро прибалтийские провинции утратили свое значение базы снабжения для большого похода на Россию (в 1708 г. корпус Левенгаупта в Риге получил предназначенные для главной армии запасы из-за моря). И в то же время, благодаря заимствованной у шведов системе обучения и все более успешной воинской практике, боеспособность русской армии значительно возросла (факт, который Карл XII, судя по всему, не заметил — или предпочел игнорировать).

К этой оценке его стратегии 1702 — 1707 гг. я хотел бы в заключение приобщить одно «штатское», но сугубо важное измерение: истерзанное войной, оставленное главной армией короля население Ингерманландии, Эстляндии и Лифляндии составляли его подданные, унаследованные от отца.

1707—1709 гг.: на Россию

Фундаментальной целью русского похода Карла XII было надолго вывести из строя царскую государственную машину как военную угрозу для шведской империи. В вопросе о реализме этой целевой установки мнения разошлись с той самой поры, как в 1707 г. начался сам поход. Лично я принадлежу к «старой школе», а не к «новой школе» с ее культом Карла XII. Другими словами, я полагаю, что цель похода была в своей основе недостижима. В этой связи мы подозреваем также наличие у короля важного иррационального мотива: ожесточенное стремление жестоко «наказать» русских за разорение его балтийских провинций с начала войны. Наступление на Москву 1707 — 1708 гг. за время, протекшее с тех пор, многим наблюдателям казалось громадным риском, не оставлявшим скольконибудь значительного места, «запаса» для несчаст-

ных случайностей или стратегического просчета: на карту был поставлен статус Швеции как великой державы. Я смотрю на все это предприятие точно так же. Карл XII явно не предполагал чувствительных людских потерь на пути к Москве, судя по всему, он сильно недооценивал быстро возраставшую проблему — которую лишь временно и частично должен был снять обозный транспорт Левенгаупта, — а именно обеспечение все глубже втягивавшейся в Россию армии лошадьми, свежим порохом, продовольствием и чистой водой. Другими словами, создается впечатление, что он не предвидел разорение русскими областей, куда двигалась его армия, а, напротив, вообразил себе, что враждебные Москве народы и племена обеспечат его армию вспомогательными отрядами и всеми необходимыми припасами; эта надежда, как мы знаем, оказалась в существенной своей части иллюзорной. Наиболее роковой из стратегических просчетов Карла XII касался, на мой взгляд, боеспособности русской армии (см. выше). Главной предпосылкой его уверенности в успехе этого великого предприятия было то, что он считал едва ли не аксиомой, а именно что воинская масса русских будет более чем уравновешена высокими качествами его армии. Прозрение относительно ошибочности этого суждения в полной мере наступило в шведской главной квартире осенью 1708 г., как о том доносил в Лондон английский наблюдатель Джефрис (см: Arteus 1972, s. 60): «В настоящее время шведы должны признать, что москвиты выучили свой урок намного лучше[...] и что они равны саксонцам, а может быть, и превосходят их в дисциплине и доблести, хотя правда и в том, что их кавалерия не управится с нашей, однако их пехота защищается упорно, так что их трудно разъединить или расстроить их порядок, если не атаковать их с мечом в руке».

Выжженные земли вдоль Смоленской дороги на Москву не заставили Карла XII временно вернуться в менее опустошенные области; вместо этого он развернул армию в южном направлении. Вот тогда азарт игры и обострился до предела. Теперь-то и последовали хорошо известные «несчастья» с корпусом Левенгаупта и авангардных частей Лагеркроны (подр. об этом см., напр., в: Arteus, 1979 и соотв. 1977), «несчастья», последовательность которых была по-своему логичной, и уж в этом король был не безвиновен. Наконец, на Украине его армия попала в стратегическое окружение и была принуждена к отчаянному штурму укрепленного царского лагеря под Полтавой — с вытекающими отсюда последствиями.

Dets Nya Maner som älsboq är begynt
 tillatt Profva under Batalion!

Batalionen bör nicht sätta sig i skara omalla Rottor, än
 Ansl J. Dera Offitska Laderna Rinnudubla, Där J. Kola
 giffa sig. Andan under Batalionen sälla Laderna framman-
 På, som an fan isse siffitid kinnud; Dera skand pått bli
 San Marsela, Af när som som Commandor Batalionen,
 Sfallan. Där anse siffitid, på Gyllsta Rikensare Inas
 Piker

Фрагмент собственноручного наброска инструкции Карла XI,
 содержащей «Новый манер... боевых действий батальона».

Военный архив Швеции

Попытки Карла XII на протяжении пяти лет организовать стратегически эффективное нападение на Россию из Турции, при этом пользуясь в основном только турецкими силами, как мы знаем, провалились, хоть и выглядели в 1710—1711 гг. вполне обнадеживающими. Неясно, верил ли он действительно, в глубине души, в этот проект. Здесь мы также (ср. выше) можем догадываться о каком-то иррациональном мотиве: он не мог вернуться в Стокгольм побежденным. Его — в глазах многих, включая меня, — совершенно глупое решение послать в 1712 г. армию Стенбока на континент отчасти можно объяснить так же: он хотел вернуться в Швецию во главе армии (Стенбока), да еще и, как он надеялся, победившей в какой-нибудь битве.

Капитуляция 1713 г. Стенбока со своей армией в Гольштейне открыла для русского войска возможность оккупации Финляндии в 1713—1714 гг., чего царь Петр дождался все то время, пока Швеция располагала внушительной полевой армией.

Через три года после своего возвращения в 1715 г. в Швецию Карл XII снова располагал значительной полевой армией, набранной и вооруженной посредством тотальной мобилизации еще оставшихся у государства ресурсов. Эту армию он бросил на завоевание Норвегии, страны с суровым климатом, малочисленными дорогами и редко встречавшимся человеческим жильем, короче — страны, неспособной содержать крупное войско. Да и что бы он делал с Норвегией, если бы его армии, несмотря ни на что, удалось завоевать эту страну? Использовать ее для обмена на оккупированную шведскую территорию (и как такой обмен мог быть осуществлен политически)? Но не на Финляндию, ибо он знал, что царь Петр был настроен вернуть эту страну Швеции только при заключении мира. И не на прибалтийские провинции, потому что он должен был догадываться, что эти территории — первейшая цель и драгоценнейшая добыча царя в Северной войне — для царя не могли стать предметом переговоров. Предполагал ли он выменять на Норвегию что-нибудь еще кроме упомянутого? Или для норвежского похода им была поставлена цель совершенно иного характера? В таком случае какая? Может быть, он хотел присоединить к своей державе огромную территорию взамен той, что была при нем утрачена? Этого мы не знаем,

и моя способность понять мир стратегических мыслей Карла XII, как уже заметил читатель, сильно ограничена.

Попытка собрать воедино самое существенное в моей оценке Карла XII как стратега неизбежно выявляет роковое отсутствие реализма во многих его планах и в некоторых решениях, принятых в походах, — недостаток, который, вероятно, был тесно связан с его четко выраженным абстрактным образом мышления и, как правило, слабым интересом к военно-стратегическим точкам зрения других. Я, как и многие другие, испытываю глубокое изумление перед его выбором первоочередной стратегической цели в различных ситуациях. Прежде всего меня изумляет то, что для него оборона Финляндии и прибалтийских провинций, коренных частей унаследованной империи, явно не представлялась делом большой важности. В этой связи я размышлял также — не будучи особенно оригинальным — о возможных «связующих звеньях» между его особой психикой, неприкрытым предпочтением наступательной стратегии и нежеланием заключать мир с противниками прежде, чем они потерпят основательное поражение или — после катастрофы в России — лишь с минимальными территориальными утратами. Для правителя государства, ждущего от своих войн именно таких результатов, наступательная стратегия становится не только естественной, но и почти, как я понимаю, необходимой. А если военные ресурсы — как у Карла XII — относительно невелики, то ведение войны ради заключения мира должно, кроме всего прочего, занять длительное время. И не исключено, что Карл XII более всего этого и желал. Война до бесконечности: никогда не расставаться с любимой полевой жизнью среди «солдатской оравы», никогда не снижать постоянно возобновляющееся, обостряющее все жизненные чувства боевое напряжение.

ИНДИВИД И МЕТОД: КАРЛ XII НА ПОЛЕ БОЯ

Моя оценочная характеристика короля как командующего на поле боя смогла уложиться в сравнительно небольшой объем, что объясняется тем, что мы имеем здесь дело с хорошо известными обстоятельствами и последовательностью событий, прежде всего тем, что эта оценка не слишком противоречит уже имеющимся. Уподобляясь большинству военных историков, я считаю короля как

руководителя полевого боя — в отличие от другого Карла XII, ведущего войну (стратега), — «одним из великих капитанов истории». Под его (и Реншельда) непосредственным командованием шведская армия победила в четырех крупных битвах Великой Северной войны: при Нарве (1700 г.), Даугаве (1701 г.), Клишове (1702 г.) и Головчине (1708 г.), а проиграла только одну — Полтавскую, где ответственность короля ограничилась, по сути, планированием сражения. Мы помним, что даже Мальборо, возможно самый искусный тактик полевого боя в тогдашней Европе, добился триумфа не более чем в четырех значительных сражениях: Хехштедт/Блиндхейм (1704 г.), Рамильи (1706 г.), Оуденаарде (1708 г.) и Мальплаке (1709 г.).

В нашем случае оценка концентрируется на двух наиважнейших элементах искусства полевого боя Карла XII: 1) тактике при планировании, а затем проведения боя и 2) на поддержании боевого духа армии.

Тактика

Если выразить сказанное другими словами, то тактика может по сути своей характеризоваться тремя понятиями: простотой, гибкостью и смелостью.

Сознательное стремление к *простоте* мы постоянно обнаруживаем в планах сражений Карла XII. Целью, конечно, было облегчить управление боем для командующих (короля и Реншельда) и нижестоящих командиров.

Простота была осознанным и крайне важным средством для достижения максимальной *гибкости* действий армии на поле боя, то есть для облегчения старшим и младшим командирам возможности свободно, оперативно и адекватно реагировать на угрожающие или многообещающие ситуации, возникающие неожиданно, — из-за передислокаций и ограниченности поля обзора. Такая гибкость была значительной — настолько, насколько это допускали физические возможности, — при Нарве и Даугаве. Впечатляюще велика была она при Клишове и Головчине, в то время как под Полтавой она — по известным обстоятельствам — едва ли вообще имела место, несмотря на относительную простоту плана сражения

Характерное для поздней Каролинской эпохи плугообразное построение эскадрона. Сходство с плугом появлялось, когда всадники тесно сближались — «колени за коленом» — к центру.
Рисунок той эпохи.

Военный архив Швеции

(можно сказать, что он был *слишком* простым, то есть слишком предсказуемым для противника).

Между тем, по моему мнению, ничто так не характерно для Карла XII (и Реншельда) в планировании и тактическом руководстве сражениями, как *смелость*. Смелость эта была не просто очень большой (Даугава, Клишов и Головчин), в пределе она доходила до крайности (Нарва и Полтава). Доля риска постоянно была столь велика, что я могу утверждать: встретить король (и Реншльд) лучших генералов на стороне противника и не имей он свою столь долго непобедимую армию (см. ниже) — он, вполне вероятно, проиграл бы все свои сражения. Тем не менее Карл XII, естественно, считал (долгое время имея достаточные к тому основания), что он может позволить себе неправдоподобно сложные действия, имея своими противниками саксонских или русских генералов и располагая именно такой армией, которая была в его руках.

Фактор личности

Непобедимость этой армии на поле боя, если только чисто физическое превосходство противника не становилось — как под Полтавой — буквально головокружительным, можно объяснить прежде всего методикой боя (см. ниже) и боевым духом. А боевой дух войска в первую очередь формировался самим королем, непосредственно или косвенно (так же как, с другой стороны, широко известный дух неустрашимости солдат армии Стенбока в весьма значительной степени порождался ее командующим). Власть Карла XII над чувствами его солдат, власть, которая заставляла их исполнять практически все, что он ни прикажет или на что просто намекнет, объяснялась несколькими однонаправленными причинами: тем, что он был королем, а не простым генералом; его превосходным искусством тактика, а также его почти неизменным — вплоть до Полтавы — успешным командованием в больших и малых битвах; его полным презрением к опасностям; его редкой духовной силой, выдержкой, его физической нетребовательностью; его неустанной и теплой, как будто стыдливой заботой о бытовых условиях и настроении своих солдат (такую заботу с его стороны крайне редко могло ощутить гражданское население державы). Значение личности Карла XII

в поддержании боевого духа армии безыскусно выразил один из современных ему наблюдателей: король мог вызывать в солдатах «необычайную охоту к бою» (Bengtsson 1935, s.144. См. также Villius, 1950, s.126f).

*Коллектив и методика: об обычной
практике боя каролинской армии*

На этой теме я остановлюсь подробно, поскольку результаты новейшего исследования (Arteus, 1972) в вопросе о методике боя каролинской армии частично противоречат материалу, приведенному в упомянутом труде генерального штаба, этом авторитетном, ставшем классическим сочинении; я буду более подробным также и потому, что мои исследования гораздо менее известны, чем вышеупомянутый труд; а также по той причине, что я придаю шведской методике армейского боя в период Северной войны гораздо большее значение для хода и характера этой войны, чем ранее было принято. В этой же связи я хочу сразу подчеркнуть практически неразрывную связь между вышеупомянутым боевым духом каролинской армии и ее тактическими доктринами и системой: ярко выраженная наступательная тактика сильно содействовала — благодаря своей успешности — формированию неслыханного ранее боевого духа армии; в то же время эту тактику было бы невозможно воплотить на поле боя, если бы дух армии был низок.

Что касается обычных боевых действий пехоты, то результаты новейших исследований оказываются в главных чертах совместимыми с выводами труда генерального штаба.

Шведская пехота пользовалась на протяжении Великой Северной войны тем, что называлось «Новым манером... боевых действий батальона». Эта техника ведения боя, временно регламентированная в 1694 г., гласила: «Если командир батальона приказывает: «Готовься!», то пикинеры поднимают свои пики, выдвигаясь вперед, пока он [батальон] не сблизится с противником на 70 шагов. Как только будет скомандовано: «Две задние шеренги, изготовиться к огню!», эти шеренги выдвигаются вперед и сдваивают две передние шеренги. Как только две задние шеренги произвели выстрел, они обнажают шпаги. И как только две передние шеренги

выдвинулись, две задние шеренги тесно смыкаются с тыла с двумя передними шеренгами, после чего весь батальон марширует таким образом сомкнутым строем в глубину и в ширину рядами на противника, пока [батальон] не сблизится с ним на 30 шагов. Тогда отдается команда: «Две передние шеренги, изготовиться к огню!» Как только произведен выстрел, они обнажают шпаги и врываются в ряды противника».

После 1701 г. эта боевая практика изменилась лишь в том смысле, что позиция для второго залпа приблизилась еще ближе к противнику, или, как это уставно сформулировал в 1710 г. Стен-бок: «...[две передние шеренги] не открывают огня до тех пор, пока они не приблизятся к противнику на расстояние, когда его можно будет достать штыком. После того как они произведут с этой позиции залп, то, с Божьей помощью, из противостоящих [солдат] останутся в строю немногие».

Выдвижение вперед под почти непрерывным обстрелом, на который нельзя отвечать, пока расстояние до линии противника не сократится до предела, естественно, требовало от солдат Карла XII железной дисциплины, и вообще, вероятно, было бы невозможно, если бы они не обладали помимо прочего глубоко укоренившейся уверенностью в эффективности своего метода наступления. Ибо он был почти всегда эффективным. Первый залп, когда наконец наступало его время, пробивал в рядах противника огромную брешь. А те, кто не был убит или ранен с первого выстрела, как правило, не оставались на месте, ожидая второго выстрела, который, как они сознавали, будет гораздо более смертоносным и тут же сменится фронтальной атакой пикинеров с их страшным оружием рукопашного боя.

Мы видим, что метод атаки, предписанный Каролинской пехоте, уделял ведению огня значительно меньшую роль, чем использованию холодного оружия. Ведь согласно этому уставному предписанию каждый мушкетер должен был произвести перед рукопашной схваткой единственный выстрел и после этого действовать исключительно шпагой или штыком. Добавим к этому, что пикинеры — треть батальона — не имели иного оружия, кроме холодного.

Тактика ведения огня Каролинским батальоном позволяла сделать темп атаки значительно более высоким, чем при использовании тогдашнего метода непрерывного ведения огня. Схемати-

чески этот последний порядок означал, что батальон расчленялся в ширину на, к примеру, восемь (или четыре, или шестнадцать) одинаковых по численности частей (плутонгов, взводов) — которые мы можем здесь нумеровать от 1-го до 8-го, считая справа, — и эти плутонги один за другим открывали огонь: 1-й и 5-й, затем 2-й и 6-й, затем 3-й и 7-й и так далее, в то время как остальные плутонги перезаряжали оружие со всей возможной быстротой. Поскольку весь батальон должен был останавливаться каждый раз, когда часть его открывала огонь, продвижение вперед шло сравнительно медленно. Напротив, Каролинской пехотной линии не нужно было останавливаться для ведения огня более чем два раза на протяжении всей атаки.

Описание боевой практики континентальной пехоты резюмируется в труде генерального штаба в образе «неподвижной, контрмарширующей и постоянно стреляющей линии». В свете зарубежных и новейших шведских исследований эта картина предстает и карикатурной, и в большей своей части неверной. Пехота того времени никогда не применяла «контрмарши» — тактику постоянного огня, которая давно уже сменилась техникой стрельбы повзводно (плутонгами). Британско-немецко-голландская пехота Мальборо, как и датская, саксонская и — в начале войны — русская, могли быть адекватно описаны как «постоянно стреляющие» в ходе боя. Однако это описание нельзя распространить на французскую и на австрийскую пехоту принца Евгения. А «неподвижно» на поле боя батальоны Мальборо и принца Евгения Са-войского стояли редко, обычно они наступали, ведя упорный огонь (повзводными шеренгами) навстречу противнику, тогда как французские батальоны обычно сражались «по-австрийски», но иногда и «по-шведски». Русская же пехота после первых военных лет переучилась, овладев боевой практикой, совершенно похожей на шведскую!

Кавалерия

Шведская кавалерия, утверждает труд генерального штаба, «практически единственная в Европе усвоила тактику боя, распространившуюся лишь много позже, смысл которой заключается в атаке галопом, со шпагой в руке. Поэтому неудивительно, что шведы

много раз одерживали легкие победы над кавалерией того времени, которая придерживалась почти исключительно оборонительной тактики, не могла передвигаться в более быстром аллоре, чем маневр-галоп, образовывала четырехугольник и караколлировала (см. ниже. — *Примеч. перев.*)».

От этой впечатляюще контрастной картины мало что осталось после новейших исследований, результаты которых могут быть резюмированы следующим образом.

Как известно, эскадроны Карла XII всегда атаковали лишь со шпагой в руке, то есть без какой бы то ни было стрельбы вплоть до столкновения с кавалерией противника. Но так же поступали и эскадроны Мальборо. Датские, австрийские и французские эскадроны, атакующие таким же образом, были привычным зрелищем. Только в саксонской и русской кавалериях огонь перед столкновением с противником был, кажется, правилом. Но ни здесь, ни в какой-либо иной европейской кавалерии не отмечено в эту эпоху ни «образования четырехугольника» (построение, используемое исключительно для оборонительного боя), ни «караколлирования» (техника непрерывного ведения огня кавалерией).

Каролинские эскадроны в первые годы Северной войны атаковали обычно не полным галопом, но рысью. Лишь около 1705 г. галоп стал нормальным аллюром в последней фазе атаки. Эта эволюция для Европы того времени не была уникальной. Приблизительно одновременно с эскадронами Карла XII полный галоп стал нормальным темпом атаки и для кавалерии Евгения. Бывало, что и в армии Мальборо, и во французской армии небольшие группы эскадронов все чаще неслись в атаку во весь опор. Однако рысь была и оставалась нормальным аллюром атаки во всех армиях Европы того периода, кроме шведской и австрийской (тут нужно указать, что Мальборо осознанно предпочитал рысь более высоким темпам, поскольку полагал, что успех кавалерийской атаки меньше зависит от ее скорости, чем от плотности эскадронов и боевых порядков (фронта), то есть от сплоченности всадников, которую трудно поддерживать уже при рыси, а при галопе — почти невозможно на протяжении более чем нескольких сот метров).

Итак, самую наступательную из боевых кавалерийских тактик, обычных для той эпохи, мы находим в шведской армии. Кавалерия Карла XII была также самой эффективной боевой кавалерией

своего времени благодаря тому, что она во время атаки сочетала максимально быстрый аллюр с более сплоченными эскадронными формированиями, чем этого могла добиться любая другая армия. Но ее практика боя не была, как это утверждает труд генерального штаба, по своему типу отличной от той, что использовалась кавалерией войск, участвовавших в войне за Испанское наследство. Исследователи генерального штаба не заметили, что каролинские эскадроны обладали уникальным для Европы того времени искусством чрезвычайно плотного боевого формирования «колена в колена», и оттого просмотрели обстоятельство, которое можно было привести для поддержки их же тезиса об особой и превосходящей все прочие боевой тактике Каролинской армии.

Артиллерия

Наконец, как же использовал Карл XII свою артиллерию? Что ж, он применял ее против фортификационных сооружений, а также против укрывшихся за шанцами или иным образом малоуязвимых войск, но почти никогда в открытом полевом бою, поскольку считал, что огневая мощь не компенсирует малую подвижность орудий при наступательном движении пехоты и кавалерии. В других европейских армиях артиллерия, напротив, исполняла важные функции также и в открытых полевых сражениях. Поражение шведской пехоты под Полтавой можно было предотвратить огнем шведских пушек. Артиллерия армии Карла XII была не слишком сильна количественно, но эффективна своим огнем и под Полтавой снабжена хорошим боезапасом. Однако в битве она была представлена всего лишь четырьмя орудиями. Это обстоятельство может служить примером того, как король обычно применял свою артиллерию, — и выявить единственный, но значительный минус в боевой тактике главной каролинской армии (Стенбок весьма полагался на свою артиллерию, которая и в самом деле принесла необычайную пользу под Хельсингборгом и в особенности под Гадебушем).

Швеция и Европа

Международные сравнительные исследования, выводы которых здесь вкратце приводятся, обнаружили в каролинской тактике боя два значительных элемента, которые могут рассматриваться как оригинальные и шведские по происхождению. Этими элементами являются: «новый манер», то есть динамичный метод пехотной атаки — который конечно же не остался исключительно шведским достоянием и уже во время войны был перенят русской армией, — а также сверхплотное построение кавалерии «колено за колено».

Между тем регламентированная тактика боя каролинской армии, взятая в целом, не столь глубоко отличалась от использовавшейся в остальной Европе, как это стремится доказать труд генерального штаба. Во французской, австрийской и союзной (британско-германско-голландской) армиях — как и с 1708 г. в русской пехоте — боевая тактика была типично наступательной. Другими словами, различие между шведской и континентальной тактикой армейского боя кроется не в фундаментальной несхожести наступательно и оборонительно ориентированных тактических систем, а в степени их «наступательное™». Но это различие было значительным. Манера ведения боя армией Карла XII стоит особняком как самая наступательная в тогдашней Европе.

Два комментария

Первый комментарий касается «*вопроса первооткрывательства*». По этому поводу можно, в частности, заметить, что Каролинская тактика кавалерийского боя развилась в рамках давней шведской традиции. Оригинальность Карла XII в этой области заключалась в том, что он посредством интенсивных тренировок всадников и лошадей поднял свою кавалерию (если оценивать ее в международном масштабе) на исторически совершенно особый уровень в смысле ее эффективности на поле боя. Что же касается экстремально атакующего типа ведения пехотного боя, то эта методика была в существенной своей части детищем его отца. Чисто личный вклад Карла XII в армейскую боевую тактику заключался в последовательном уменьшении роли артиллерии в бою на откры-

той местности, то есть в реформе, ценность которой очевидно спорна.

Цель второго комментария — подчеркнуть уникальное значение *успешного заимствования русскими* боевой тактики, принятой в Каролинской пехоте. Поскольку динамичность этого типа ведения боя была дополнена значительным количественным перевесом русской пехоты, то война с Россией и была проиграна — еще до Полтавы.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ОДНОМУ КОЛЛЕКТИВУ

Заслуга в том, что Швеция столь долго могла вести наступательную войну против враждебных государств, имевших колоссальный перевес в демографических, материальных и денежных ресурсах, безусловно, в очень значительной части принадлежит полководческим гениям (я употребляю именно это слово) Карла XII, Реншельда и Стенбока. Но наибольшее значение имели особо эффективная методика боя и небывало высокий боевой дух Каролинской армии. Эта армия, как мне представляется, была в состоянии выигрывать крупные сражения даже с менее одаренными командующими, чем Карл XII, Реншельд и Стенбок; я имею в виду среди прочего ее победы под командованием Левенгаупта у Якобштадта в 1704 и Гемауэрхофа в 1705 гг. Но — и это наиболее интересный вопрос — мог ли Карл XII (и Реншельд) победить у Нарвы, Даугавы, Клишова и Головчина; мог ли Реншельд победить под Фраунштадтом в 1706 г., а Стенбок под Хельсингборгом в 1710 и Гадебушем в 1712 гг. без смертоносной атакующей мощи Каролинской армии? Лично я в этом сомневаюсь.

Этой армии — как утверждает знаток военной истории Франс Г.Бенгтсон, возможно, лучшей армии, которую когда-либо видел свет, — было посвящено немало эпитафий. Наверное, самую красивую мы можем обнаружить в принадлежащей Бенгт-сону большой биографии Карла XII. Позвольте мне в заключение привести еще одну эпитафию — «Эпитафию армии ландскнехтов», написанную А.Э.Хоусменсом в честь победившей в 1914 г. под Ипром — и почти полностью выбитой — британской кадровой армии (иронический выбор английским поэтом слова «ландскнехты» наиболее естественно передать словами «профессиональные

военные»). Я не думаю, что Хоусменс, если бы и мог, протестовал бы против того, чтобы его знаменитыми стихами была оказана честь и несравненной Каролинской армии.

В день, когда падали небеса,
В час, когда качалась земная твердь,
Они последовали своему призванию **наемников**,
Взяли плату и посчитали.

Их плечи удержали небесный свод, Они
устояли и поддержали земную твердь; То, что
Господь покинул, они защитили, Даже не
истратив того, что заработали.

Литература

- Уредссон С. Карл XII и падение шведского великодержавна в историографии и традиции // в данном сборнике.
- Энглунд П. Полтава: рассказ о гибели одной армии. М., 1995.
- Arteus G. Krigsteori och historisk forklaring. 1. Kring Karl XII:s ryska falttag // MHI, 3. 1970.
- Arteus G. Krigsteori och historisk forklaring. 2. Karolinsk och europeisk stridstaktik 1700-1712 // MHI, 5. 1972.
- Arteus G. «Anders Lagercrona» // SBL, 1977.
- Arteus G. «Adam Ludvig Lewenhaupt» // SBL, 1979.
- Arteus G. Svenskt och europeiskt i karolinsk armestridstaktik // Tre Karlar: Karl X Gustav, Karl XI, Karl XII (Und. red. av G.Ekstrand), 1984.
- Bengtsson F.G. Karl XII:s levnad. 1-2. 1935-1936.
- [Benedich C med fl.] Karl XII pa slagffltet: Karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling fran aldsta tider. [Utgivet av] Generalstaben. 1918-1919.
- Churchill W.S. Marlborough: His Life and Times. 1-2. 1933-1938.
- Englund P. Myten om faltherren //Englund P. Forflutenhetens landskap. Historiska essaer. Stockholm, 1991.
- Grauers S. Magnus Stenbock // Svenska man och kvinnor. 1954.
- Grauers S. Karl XII // SBL, 1975.
- Hildebrand K.-G. Till Karl XII-uppfattningens historia // Historisk tidskrift, 1954-1955
- Karl XII (Ogonvittnen). [Under red. av H. Villius]. Stockholm, 1960.
- Petri G. Slaget vid Poltava // Karolinska forbundets arsbok (KFA) 1958.
- Taylor F. The Wars of Marlborough. 1—2. 1921.
- Wernstedt F. Lineartaktik och karolinsk taktik: Nagra reflexioner med anledning av framställningen i «Karl XII pa slagfaltet» // KFA, 1957.